

Иркутск: новое положение. Все, что вы хотели узнать про иркутских писателей, но боялись спросить

В прежние времена всякий обыкновенный сибирский литератор бывал определенно трехглаз: один глаз цеплял окружающую флору и фауну, второй погружался в себя, третий зрел столицу, с ее издательствами, тусовками, журналами, в том числе и со “Знаменем”.

Если первый глаз пребывал почти всегда при лирической слезе (“Хороша Ангара на рассвете!”), если второй чаще всего держался гражданской зрячести (“Я сибирской породы”), то третий осознал свою миссию в хищном прицеле на столицу: московский люд без меня неполон, внушал он своему хозяину-романисту, дрессировщику-стихотворцу или квартиросъемщику-критику.

Те, у кого посильнее двух первых бывал глаз третий, рано или поздно въезжали в столицу, кто — на поэме, кто — на повестушке, кто — сразу на романной эпопее и вельможных санях.

В двадцатые годы прошлого столетия уехали из Иркутска и не потерялись в Москве Иосиф Уткин и Джек Алтаузен, Валерий Друзин и Михаил Скуратов.

В пятидесятых Иркутск оставили Георгий Марков, Агния Кузнецова, Владимир Шорор, Юрий Левитанский, Франц Таурин и Игнатий Дворецкий (этот — ради Питера), в шестидесятых — Иван Харабаров и Анатолий Преловский, в семидесятых — Вячеслав Шугаев и Юрий Скоп, Михаил Ворфоломеев и Владимир Гуркин, Леонид Шинкарев и Геннадий Николаев (тогда — тоже ради Питера, а нынче уже и Дортмунда)...

Были и такие, кто вспоминал о своей сибирской породе по случаю или от случая к случаю: более зиминец, нежели иркутянин, Евгений Евтушенко, более туристы, нежели прибайкальцы, Анатолий Кузнецов и Станислав Куняев, крайне типичный для наших палестин человек мира Михаил Демин и не менее типичный романтик поневоле Анатолий Жигулин...

Некоторые из иркутян ездили в столицу за наградами: за государственными премиями драматург Павел Маляревский и автор “Даурии” Константин Седых, за теми же государственными, плюс к ним — за званиями Героя и престижными премиями Валентин Распутин.

В восьмидесятых в Москву стремиться перестали — то есть катались в нее, но более за тем, чтоб себя показать, чем на других смотреть. И это без иронии, потому что — кому из тогдашних столичных мэтров были неинтересны Распутин с его “Последним сроком” или, навечно при своем “Синем море, белом пароходе”, Машкин?

Те из сибиряков, кто в Москву не стремился, укреплялись в своих патриотических настроениях, находя в этом поддержку со стороны тех, что широко печатались в столице, однако при этом не менее широко вещали о неприятии ее разлагающего всякую живую душу бездушного бытопорядка.

Между тем литературный Иркутск — это то же, что и литературная Москва: смесь глупости и мудрости, чистоты и нелепости, собрание судеб удачливых и разбитых, объединений вынужденных и случайных, фигур дутых или действительных, но понапрасну обойденных.

Разумеется, провинциальные масштабы поменьше столичных, но от этого жизнь не легче, все только что помянутое переживается побольнее, а смотрится посмешнее.

В конце сороковых, после известного доклада Жданова (его имени лишь несколько лет назад лишили Иркутский университет), в наш град, как и во многие прочие, пришла установка: выявить явления “ахматовщины”.

Как наказали, так и поступили — пооглядывались, повздыхали, но, верные партии и правительству, призвали на собрание Елену Жилкину, дабы объявить ей: “Ты наша “ахматовка”.

Та спорить не стала, “ахматовка” так “ахматовка”, тем более что, нежнейшая из смертных, она ни на возражения не была способна, ни на обиду — ей бы только своим прямым делом заниматься: птичке в любви признаться, улице, которую дождем залило, пожалеть...

Покуда Елена Викторовна привычно водила перышком, а ее друзья-товарищи рапортовали в Кремль о том, что “выявили и наказали”, одна из обкомовских машинисток промахнулась и, потеряв в слове “ахматовщина” вторую букву “а”, поставила на ее место “е”.

По этой самой причине буквально на следующий день Иркутск прознал, что ходит по его улицам не кто-нибудь, а заблудившаяся в “ахметовщине” “ахметовка” Жилкина.

Так и писали, так и поносили — за “ахметовщину”.

А эта “ахметовка” — без жилья и зарплаты — дочку поднимала да все в любви признавалась.

Может, поэтому — через некоторое время — явились к ней с первыми своими сочинениями Валя Распутин и Саша Вампилов, Петя Реутский и Володя Жемчужников...

Я еще застал то время, когда все сходились на квартиру “ахметовки” — приходили за трешкой, бежали в магазин, возвращались и, не в силах уйти, крайне внимательно прислушивались к тому, что читала Елена Викторовна.

Читала она вроде бы о привычном — о том, что весело — весной, грустно — осенью, хорошо — любить, еще лучше — быть любимой...

А я грустила, стоя под скворешней,
Что птичьего не знаю языка...

Последнее звучало несколько странно, тем более что казалось, будто все понимают друг друга с полуслова и даже полувзгляда...

Но, по всей видимости, с нашим языком (и глазами, и ушами) стало происходить что-то не то — иначе бы добрая и чуткая душа Елена Викторовна Жилкина, чьи книжки наконец стали выходить и в Москве и в Иркутске, не затосковала бы на полном серьезе о языке не нашем — другом.

Между тем еще в те поры — начало шестидесятых—первые годы семидесятых — все было очень даже замечательно: “ТОМ” (творческое объединение молодых), возникший как альтернатива официальной литературе и объединивший фронтовика Дмитрия Сергеева и фрондирующего Юлия Файбышенко, еще только переходящего из прозы в драматургию Александра Вампилова и успевшего написать лишь “Деньги для Марии” Распутина, мнящего себя сибирским Есениным Петра Реутского и работавшего на тогдашнюю “Юность” Вячеслава Шугаева — так вот, шумный и красивый “ТОМ” еще не распался; Распутин дружил с Дмитрием Сергеевым, Шугаев — с Сергеем Иоффе, Геннадий Машкин — с Юрием Самсоновым, Петр Реутский — с Евгением Раппопортом; все друг друга читали, выручали, знали наизусть; все жалели американских негров, верили в дружбу с китайцами, брезговали антисемитами...

И когда один из старых писателей (всем было известно, что на войне он был “смершевцем”) позволил себе антисемитскую выходку, все возмутились, и когда тогдашний партсекретарь Анатолий Шастин потребовал исключения антисемитски настроенного писателя из коммунистических рядов, все как один — и партийные, и беспартийные, то есть все, кого спрашивали и кого не спрашивали, — проголосовали “за”...

А через полтора десятилетия все кричавшие “за”, как бы пожалев об этом, одобрили жгучее желание редактора альманаха “Сибирь” (чуть прежде он назывался “Ангарой”, потерявшей чудного редактора Юрия Самсонова из-за того, что тот — единственный на всю тогдашнюю страну — решился опубликовать “Сказку о тройке” братьев Стругацких) — короче, многие оказались солидарны с новым редактором “Сибири” Василием Козловым в его желании одарить читателя полным текстом “Протоколов сионских мудрецов”.

Из-за этих “протоколов” из редколлегии альманаха вышли Дмитрий Сергеев, Анатолий Шастин и Вера Захарова.

Солидарные с ними Валентина Марина, Сергей Иоффе, Белла Левантовская, Елена Жилкина и Юрий Самсонов заявили о создании содружества иркутских писателей.

Некоторое время спустя к ним присоединились Василий Трушкин, Марк Сергеев и аз грешный.

Потом были “Апрель”, создание журнала “Свой голос” и его негромкое, но достойное существование в течение двух лет, потом — развал Восточно-Сибирского издательства, смерть Сергея Иоффе (он, автор многих поэтических книг и книг, посвященных русским поэтам, прочел о себе в той же “Сибири” как о еврейском поэте, причем вышло такое из-под пера того самого Бориса Лапина, с которым Сергей шел рука об руку со школьной скамьи), потом — смерть Беллы Левантовской, Юрия Самсонова, Василия Трушкина, Веры Захаровой, Анатолия Шастина, Елены Жилкиной...

Сегодня из всех, кто входил в иркутское писательское содружество, со временем трансформировавшееся в отделение Союза российских писателей, остались восьмидесятивосьмилетняя Валентина Марина да я, пятидесятидвухлетний...

Разумеется, что союз наш держится не нами.

Сначала в него вошли “старые новые”, то есть те, кого аккуратнейшим образом валили на приеме в союз из-за пятой графы — умелый прозаик и въедливый публицист Борис Ротенфельд да чудный автор нескольких книжек для детей и взрослых Федор Боровский; к двум этим присоединилась вечная страдалница Людмила Бендер и, конечно же, те, кого не пускали в писательскую среду по причине их нескрываемой брезгливости по отношению ко всякого рода шовинистам и кликушествующим патриотам: автор трепетных рассказов Олег Корнильцев, много пишущий и широко печатающийся прозаик Александр Просекин, выходящий со своими пьесами на сцены сибирских театров и Питера Юрий Князев, колоритнейший, живущий стихом и прозой, фотографией и живописью Владимир Пламеневский, мечущийся между политикой и критикой Виталий Камышев...

В течение десяти последних лет наше отделение существовало без крыши — общались и общались мы где придется, чаще всего на квартире Валентины Ивановны Мариной, иногда в редакциях сочувствовавших нам газет, порой в адвокатских и им подобных конторах.

В июне позапрошлого года, благодаря губернатору Борису Говорину, мы обрели крышу, получили первые субсидии, которые тут же и стали книгами.

Сегодня, как ни сопротивлялись этому руководители области и города, как ни тешили они себя надеждой на возможное наше воссоединение, в Иркутске сосуществуют два писательских союза, живущих каждый по своим программам и осуществляющих эти программы за счет той помощи, которая исходит от Управления культуры.

Пока программы эти практически не пересекаются, даже в той книжной политике, которая, пусть со скрипом, но принимается и теми, кто на это вынужден раскошеляться: эти издают своих, те — своих.

В Союзе писателей России, оставшемся при особняке, некогда выбитом и отремонтированном покойным “апрелевцем” Шастиним, постоянный прирост сил: там более пятидесяти полноправных членов, часть из которых мало кому знакома: ни книг, ни заметных публикаций, тем более что один альманах “Сибирь”, как и двухэтажный особняк, унаследованный сей организацией от бывшего общего союза, любит отдавать свои страницы таким москвичам, как Бородин, Кара-Мурза, Бондаренко и Стрелкова, нередко просто перепечатывая их сочинения из “Москвы” или “Нашего современника”.

В Союзе российских писателей — пятнадцать членов, четверо из которых — Науменко, Шманов, Богданов и Татьяна Андрейко — только что выпустили свои первые книжки.

Если Союз писателей России ежегодно осуществляет некогда задуманную акцию, громко величаемую “Сияние России: дни русской духовности и культуры”, аккуратно разоряющую область на полтора-два миллиона заради общения с авторами “Москвы” и “Нашего современника”, рукоплесканий капелле Чернушенко или Донскому хору, то Союз российских писателей больше тратится на книги: практически в течение десяти лет члены этого союза не имели возможности издаться, печатались за пределами области — в красноярском “Дне и ночи”, в питерской “Звезде”, в московских “Октябре” и “Согласии”, за рубежом.

Помимо тех шести десятков литераторов, что принадлежат тому или иному союзу, есть активисты, то есть будущее того и другого.

Есть и кустари-одиночки, к примеру, Виталий Диксон, чьи книжки — новые как по форме (роман-газета или роман-пунктир), так и по содержанию, раздражают тех и этих.

Казалось бы, есть повод к объединению — наброситься на чужака, сойтись, если не в ненависти, то хотя бы во мнении, но если наши коллеги из другого писательского союза не перестают это делать, то мы отмалчиваемся или же не без удовольствия отмечаем: в прозе Диксона много поэзии, в поэзии Диксона множество заразительных заблуждений...

Да к тому же, по правде говоря, к такому виду искусства, каким является литературная травля, мы относимся без интереса, если не сказать — с брезгливостью...

Будет неверно, если, пиша эти заметки, я не оглянусь на нашу журналистику, наши газеты, через которые прошли практически все иркутские литераторы. Здесь в первую очередь следует вспомнить нашу “Советскую молодежь”, или, как ее называли, “молодежку”. Там печатали свои первые рассказы Распутин и Вампилов, Машкин и Гурулев, Жемчужников и Шастин. Каждый из них еще и работал на эту газету: писал очерки, заметки, делал подписи к фотографиям. Этим же на полном серьезе занимались и наши поэты: та же Жилкина, которую считали своей литературной мамой Сергей Иоффе и Петр Реутский, Любовь Сухаревская и аз грешный.

И первые вампиловские рассказы из Кутулика, которые он подписывал как А. Санин, и распутинские “Уроки французского”, его же “Не могу”, за которую бедная “молодежка” получила выговор, и самсоновские сказки, и критические размышления Тендитник и Трушкина, и стихи Марка Сергеева, как и публицистика Бориса Ротенфельда — все это наша общая газета, которой с некоторых пор не стало.

Сойдясь с желтой газетой “Номер Один” и назвавшись “СМ Номер Один”, она позабыла о тех, кто принес ей славу: вместо писательского слова — репортерские глупости, вместо стиха — сплетня.

На заре перестройки, когда “молодежка” еще оставалась самой собой, возникла газета “Литературный Иркутск”, отдававшая целые полосы недоступным доселе текстам Бердяева и Трубецкого, горячей публицистике, нацеленной на возрождение православия, которой отдавали свои главные силы Распутин и Байбородин, Сидоренко и Забелин. Газета эта сделала свое доброе дело, впервые серьезно заговорив о тех ценностях, которые прежде практически не занимали советского человека. Вместе с тем было в этой газете то, что лично меня смущало: категорическое неприятие всего чужого, будь то живопись француза Пикассо или проза американца Фолкнера.

С этой, повторяю, во многом нужной газеты началось у части иркутской интеллигенции недоверие ко всему, что не укладывалось в “русскую схему”, выдаваемую за “русскую идею”.

Газета эта закончила свое существование, передоверив главные из своих тем — православие, народность и державность — газетам “Земля” и “Русский Восток”. Эти уже пошли дальше, чем стоило бы, — занялись врагами русского народа, жившими прежде и живущими сегодня.

Потом появилась газета “Иркутская культура”, больше смахивающая на писательскую стенгазету, где самый разговор о культуре казался случайным и необязательным. Полтора года назад явилась газета “Зеленая лампа”, в рождении коей принимал участие наш Союз, который, как только добился своего, заявил о “Лампе” как органе, принадлежащем всем.

Увы, Союз писателей России захотел и, как вы понимаете, сразу же обнаружил в ней масонские рога и русофобские настроения, а тех своих членов, что все-таки решились на публикацию в таком органе, подверг обструкции...

Иркутская проза всегда оказывалась слышнее ее поэзии.

То, что прежде называлось “лирической прозой”, почти всегда опиралось на байкальский пейзаж или новостроящийся город, неумело, но трогательно держась “любовного треугольника”, существовало в иркутской прозе благодаря Владимиру Жемчужникову и Вячеславу Шугаеву, Геннадию Николаеву и Олегу Корнильцеву, покуда, неожиданно для всех, не трансформировалось в “прозу деревенскую”, где пейзаж размываем горьким вздохом, переходящим в такие причитания, где главная движущая сила — уменьшительный суффикс.

Здесь слышнее других, ибо очень в затылок Распутину, Валентина Сидоренко, Анатолий Байбородин, Александр Семенов, Иван Комлев и, как ни странно, в отдельных случаях, Борис Ротенфельд.

Бытовая проза, родившаяся не без подсказки городских повестей Трифонова, была заразительна у покойной Захаровой, сегодня она столь же умела и в то же время тревожна у Александра Просекина и Александра

Карпачева. Правда, последний — это уже проза интеллектуальная, с налетом постмодерна, с ненормативной лексикой и бесконечными периодами: его сочинение “Борхес и я”, опубликованное в “Дне и ночи”, наделало шуму и удостоилось предложения выдвинуть его на Букера.

Что касается фантастики, то здесь себя пробовали и Борис Лапин, и Дмитрий Сергеев, и — новый и разноцветный — Александр Лаптев.

Не могу пройти мимо Дмитрия Сергеева: он писал тех, кого любил: своих фронтовиков-однополчан, своих коллег-геологов, свои геологические маршруты и наш город. Он был реалистом в лучшем смысле этого понятия: всякая его книга может быть уподоблена путешественнику, отправившемуся на поиски правды. По этой причине часть вещей Дмитрия Гавриловича выходили или покореженными цензурой, или же с досадным опозданием, как случилось это с его романом “Запасной полк”, где правда о войне без единого выстрела, а смерть на войне — ничуть не физическая, а духовная...

В Иркутске всегда везло драматургам: в свое время здесь ставили и любили Маляревского, потом — Беллу Левантовскую (она-то и была крестной драматургической матерью Вампилова), долго не любили и долго не ставили Дворецкого, потом — Вампилова, потом — идущих вослед ему Князева и Гуркина, но сегодня, как известно, все изменилось на все сто восемьдесят... Что касается критики, то говорить об этом надо бы специально: всякий сказавший в наших палестинах то, что думает о прочитанном, без реверансов, рано или поздно ломался: сначала получал в морду от обиженного, потом — от его дружков, потом...

Помню, как из квартиры нашей “ахметовки” был вызван двумя иркутскими стихотворцами покойный Евгений Раппопорт, сообщивший в печати о своих сомнениях насчет наличия каких-либо способностей у того и другого. На следующий день стихотворцы извинились перед критиком, однако писать не перестали, более того, выпускают книжку за книжкой и грозятся однотомниками избранного.

Что касается иркутской поэзии, то она, за редким исключением, жила в свое удовольствие — за привычные рамки не выходила, если что и делала хорошего, то, живя в привычных ямбах и хореях, раскрывала заявленную тему и трепетно заботилась о свежем эпитете или не слишком затасканном образе.

Иван Молчанов-Сибирский, чье имя носит главная иркутская библиотека, возглавлявший иркутскую писательскую организацию в те времена, когда Елена Жилкина была наказана за “ахметовщину”, умудрился не остаться в нашей памяти ни одной строкой, талантливый Иннокентий Луговской забил свой талант “датскими стихами”, всегда при перышке и круглосуточно неутомимый Марк Сергеев несколько попортил физиономию своей симпатичной музы излишней правотоверностью, бесспорно цельный и, несомненно, мудрый Сергей Иоффе был бы много убедительней, позволь он себе некоторую неправильность в поэтическом поведении...

Козлов плакатен и партиен, Горбунов слащав и вторичен, Реутский неряшлив и болтлив, Скиф зарифмовывает все услышанное от своего великого родственника, доводит до пародийного кипения и выдает за российскую боль... Хорош в своей лубочности Трофимов, заразителен в своих лирических плачах Татьяна Суровцева, всегда хорош с десятком стихотворений, тянущих на сибирскую классику, Ростислав Филиппов, навечно и незыблемо мил в своей неуклюжести, принимаемой многими за истинную поэзию, Борис Архипкин, симпатично упрям, но досадно не собран единственный из иркутских верлибристов Сокольников...

Рядом с Дмитрием Олероном, отбывавшим ссылку под Иркутском, рядом с Уткиным, Преловским, тем более — Левитанским, никого из названных не поставишь, но — такова моя провинциальная жизнь, чтобы быть привязанным ко всем сразу, всех за что-то любить, ценить, не отдавать до самой смерти...

Надо хотя бы вспомнить таких наших особенных, какими были и остаются Юрий Самсонов и Геннадий Михасенко. Оба сказочники, байщики, вечные дети, по-детски жившие и по-детски мыслившие, они одарили нас книжками, которые будут читаться и перечитываться.

Впишем в их круг еще и Марка Сергеева, и Вячеслава Шугаева, и Анатолия Шастина, и Василия Стародумова, и, конечно же, Светлану Волкову, указав тем самым на еще одну нашу традицию — традицию выдумщиков, которая прямая родня нашему фольклору.

Чуть в стороне от только что упомянутых — Федор Боровский, с его пристальным и непривычно строгим взглядом в отроческую душу, с его неожиданной для всех последней книгой, военной вещью, где сюжет едва проглядывает сквозь аллерегию, где на небесах встречаются русский и немецкий солдаты, не сумевшие победить один другого в бесконечном бою, случившемся на сельском кладбище...

В течение последних четырех лет мы выставляли лучшие из своих книг на губернаторские премии, и в результате тайного голосования членов специальной комиссии “побеждали” книжки, выставяемые Союзом писателей России.

После последнего решения комиссии — когда роман Валентины Мариной “обошел” книгу прозы Анатолия Байбородина и книгу литературоведа Надежды Тендитник “Валентин Распутин. Очерк творчества”, Валентин Распутин выступил в местной газете с заявлением, по которому выходило, будто “либерально настроенная интеллигенция устроила самый настоящий террор патриотически настроенной интеллигенции”.

Перед этим мы встречались с Валентином Григорьевичем на предмет сотрудничества и, как мне казалось, в равной мере желали в ближайшем будущем цивилизованного разговора по волнующим нас проблемам, планируя возможные совместные акции и тому подобное.

Перед этим я захлебывался от счастья, читая его новые рассказы, без конца цитируя строки его чудного “Видения”: “И вдруг каким-то вторым представлением, представлением в представлении, я начинаю видеть себя выходящим на простор и сворачивающим к речке, где стынут березы, высокие, толстокорые и растопыренные на корню, тоскливо выставившие голые ветки, которые будут ломать ветры... Я стою среди них и думаю: видят ли они меня, чувствуют ли? А может быть, тоже ждут? Уже не кажется больше растительным философствованием, будто все мы связаны в единую цепь жизни и в единый ее смысл — и люди, и деревья, и птицы. В старости так больно бывает, когда падает дерево!”.

В те давние уже времена, когда мои старшие товарищи были все до единого живы и, за редким исключением, молоды, когда союз наш насчитывал чуть больше двадцати человек и руководил им мягкий и всепрощающий Марк Сергеев, я был влюблен в каждую их книжку, еще не дописанную или уже покореженную цензурой и вставшую на мою полку.

Я до сих пор люблю — не могу отказаться — прозу Распутина и Машкина, некоторые строки и даже стихотворения Михаила Трофимова и Василия Козлова (да, да, того самого, что с некоторых пор полюбил “сионские протоколы”), я никогда не позабуду той радости, что случилась со мной после первой встречи с прозой Альберта Гурулева и Евгения Суворова.

Однако сегодня, как говорит в том же “Видении” Распутин, уже работающий в комиссии по губернаторским премиям, заодно с академиком-экологом и академиком-куроедом, плечом в плечо с недавним лидером коммунистической идеологии и нынешним — дамского сообщества, сегодня “я со вздохом ставлю себя в новое положение”.

При этом новом положении я пытаюсь понять, что разделяет меня с недавними моими товарищами, что, между тем, по-прежнему для меня дорого в них и в их сочинениях.

Я по сей день не могу избыть того чувства, которое ведет меня от одной книжки к другой — того ощущения, из которого следует, что всякий пишущий — это мой брат, всякая сочинительница — сестричка: и они живут словом и из-за слова, и я.

Все мы некогда впервые услышали, а потом прочли Пушкина, впервые заболели Есениным и Заболоцким, Толстым и Достоевским, Лесковым и Булгаковым.

Все мы помним об этих своих влюбленностях, пытаемся даже сказать об этом.

В прошлом году, когда нельзя было отмахнуться от навязываемой нам шумихи пушкинского юбилея, одни из нас упрямо и потому содержательно промолчали, другие нечто сказали.

Более других постарался наш Владимир Скиф — с одной стороны, взялся за складывание книжки из стихотворений, которые были написаны из-за Пушкина сибиряками былыми и нынешними, с другой — сложил целый том собственных сочинений по тому же поводу.

Я читал этот том в рукописи — сначала смеялся, потом плакал.

“Как долго в зверя метил Пушкин, на снег кровавый опершись”, — читал я, пытаюсь представить непринужденно опершегося на непринужденно терпящий это, как бы случайно залитый поэтовой кровью, снег, — “По шкуре Дантеса не бегают дети, хотя этот хищник кровавый медведь”, — вычитывал я, представляя счастливую детвору, бегущую по шкуре Мартынова, который, вероятно, по аналогии с “кровавым медведем” Дантесом, должен быть “кровавым барсом”, — “Огромный Пушкин, как “Титаник”, ничтожным айсбергом

пробит”, — внимал я Скифу, несколько удивляясь тому, что он прибегнул к аллюзиям из западного кинопроката, и уж вовсе дивясь тому, что он величает мадонной не Наталью Николаевну, как повелось издавна, а Арину Родионовну, заодно никак не умея разгадать того шюра, из коего рождалось такое престранное восклицание: “Ведь разве мог поверить в гибель Пушкин, когда с ним целовалась Анна Керн?”

Читая Скифа, я уже думал не о третьем глазе, с которого начал эти свои заметки, — думал о третьем ухе, которое, на свой лад слыша звук и слово, по-своему престранно сводит их к абсурду и громокипящей пустоте.

Третий глаз, с помощью коего провинциальный писатель зрел себя в столице, а свои сочинения — в столичных изданиях, зрит сегодня нечто новое — шкуру Дантеса (читай, демократа, либерала, чужака, априори враждебного всему исконно русскому), третье ухо сегодняшнего провинциала слышит то, что хочет слышать: произносит “мадонна”, а понимает: простая русская женщина...

У меня, в отличие от Распутина и Сидоренко, Трофимова и Горбунова, не было деревни, которую отняли, — были детство и юность, коих меня, не спросясь, лишили, и тем самым вбили то самое чувство сиротства и брошенности, из-за которого плачется, думается и, в конце концов, пишется.

Выходит, что родственники мы не только по слову, но и по обделенности.

Когда я заново вглядываюсь в распутинских старух, всматриваюсь в машинских девочек и мальчиков, брожу по тропинкам, прописанным Гурулевым или Трофимовым, я накладываю все это на свое, принадлежащее мне — на своих стариков, своих дружков, на свои первые житейские обиды и таежные походы, и оттого мой мир становится чуть побольше, чуть побольнее, но еще и посветлее.

В том, что мир этот отнят, я никого не смею винить, тем более что, подобно своим братьям и сестрам, могу не дать ему погибнуть навсегда — для этого у меня есть слово, разум, опыт: будут стихи — я утешусь ими и, может быть, если они окажутся верными по звуку, утешу ими себе подобных.

Для всего этого мне нужно не более того, что у меня было и есть: память, тишина, свобода.

Если забарахлит память, вмешается тишина, которая для меня, как для человека пишущего, и равна свободе.

Моя свобода — это далеко не то, о чем болтает газета, и уж совсем не то, что видится моему сверстнику Геннадию Гайде:

И в коготках крысиных лап
“клиент” забьется, как в падучей...
И бьет тревогу эскулап,
настигнут СПИДо-носной тучей.

Конечно, меня как стихотворца более всего смущает тот язык, на котором говорит Гайда — не столько плаката, сколько жэковской стенной печати, смущает интонация — не столько монолога, сколько выкрика, более удобного для партийного собрания, митинговой сходки, нежели для поэтической рефлексии на тему свободы. Но и сама мысль, выстроившая столь странную для поэта аллегория свободы, представляется мне чуждой здравому разуму и живому сердцу: свобода и СПИД — вещи несовместные.

Посему мне много интереснее другой иркутский поэт — двадцатитрехлетний Виталий Науменко, чья первая книжка “Бессвязное молчанье” представляется мне крайне важной для будущего нашей словесности.

Дух увлекает, и тянет земля —
Как уклониться от выбора? Для
Первого взгляда есть нивы, поля
с рисом и яблочный стук.
А для второго — смутительный свет,
Ангельский лепет, которого нет
В собственном смысле. И только поэт
слышать считает за честь

Шум города не питающих вод,
Где отражается вечности свод...
Стебель надрезан, кувшинка плывет,
если течение есть.

Я читаю это стихотворение, как размышление о свободе — духовной и творческой.

Меня глубоко ранит этот “смутительный свет”, равно открывающий надрезанный стебель и полет ангела,

поровну освещающий село и город, кувшинку и настольную лампу.

И вот я думаю о том, что, благодаря молодому поэту я не теряю то счастье, которое, казалось бы, у меня отняли — любить все сразу и всех сразу, мучаясь вечным и одним-единственным вопросом: кому сегодня подчиниться прежде — земле или небу, деревенской избе или городскому камню, хотя хочется, как Науменко — всем сразу.

Все, само собой и как бы помимо моей воли, свелось к тому, чем заняты последние годы мои иркутские братья и сестры, разбитые на два литературных лагеря, — к разговору о культуре, которая, по разумению одних, началась в русской избе и нашла свое завершение в сельском храме, а по мысли других, включает в себя все лучшее из того, что было наработано человеческим духом и его свободой, благодаря природе и библиотеке, в послушании храму православному и храму католическому...

Когда, в прошлом году, мы возобновили Дни памяти отца Александра Меня, посвятив им разговор о таком понятии, как семья, пригласив публично высказаться по сему поводу католиков и мусульман, протестантов и православных, мы натолкнулись на стену глухого непонимания. Оказалось, что, поддержанные в своем стремлении объединения “хороших и разных” губернатором Борисом Говориным, протоиереем Евгением Касаткиным, католическим епископом Ежи Мазуром, настоятелем иркутской мечети имамом Фаридом, как и главными из представителей различных ветвей протестантства, мы оказались, за редким исключением, проигнорированы главными представителями иркутского православия.

В том же журнале “Сибирь”, из которого я извлек стихи Гайды, без конца противопоставляется православие католичеству, православие — иудейству, деревня — городу, отчего мир предстает черно-белым, плакатным, постоянно готовым к обиде и оттого без конца призывающим к борьбе...

В тех сочинениях, которые чередой идут в той же “Сибири”, — в повести ли талантливой Валентины Сидоренко, в стихах ли небесталанного Анатолия Горбунова, в статьях ли ярко бездарного Иовлева или крайне партийной Тендитник, — без конца утверждается одно и то же: истинно русский мир покорежен варягами, всякий не принадлежащий этому миру приходится ему кровным, скрытным или явным, врагом. В той деревне, которую без устали пишет Сидоренко, все положительные герои глядят своими славянскими очами на тех отрицательных героев, чьи взоры полны кавказской злобы и иудейской хитрости. В том пастухе, которого написал в своей “Кнутаиаде” (заметьте, пожалуйста, новизну предложения) Анатолий Горбунов, уже и лубка не сыщешь — скорее оперетка, рядящаяся в оперу; в тех работах, что множит и множит профессор Тендитник, ничего, кроме того, что Распутин — гений, а Вампилов — просто гений, не сыскать. В ее книжке, посвященной лучшему нашему драматургу, находим, к примеру, такое: “Вампилов был сыном своей матери”, или: “Вампилов знал все виды городского транспорта”.

Все это пишется, издается, выдвигается на премии и выдается за истинно русское слово при том, что музей Вампилова существует благодаря одной-единственной Галине Солуяновой, все — и самый музей с его экспонатами, и даже библиотечку — создавшей беззарплатно и собственными руками. Как же не любят ее “друзья драматурга”, без конца размножающиеся, бесконечно бранящие ее то за одну книжку, то за другую... Между тем, безразмерный том “Воспоминаний о Вампилове”, что не так давно выпущен Галиными оппонентами (составил его записавший себя в первые друзья драматурга ничем не любопытный стихотворец Румянцев), ужасает бедностью мысли, убожеством соображений и вопиющим оформительским бескультурьем. “Не вернее было бы не торопиться с подобным изданием, а постоять в сторонке, в наущение себе глядя на работу тех, кто занят не собой, а Вампиловым, кто объяснился ему в любви и верности, сделав по-настоящему культурную книгу-путеводитель по его биографии, большим и малым темам (разумно обойдясь без помощи озабоченных в первую очередь “русскими корнями” и “транспортной темой” замечательного драматурга), кто читает его вглубь и вширь, то есть истинных вампиловедов, разбросанных по разным городам нашего отечества. (Только что вышел в свет и уже обруган Н. Тендитник более чем четырехсотстраничный том “Мир Александра Вампилова. Жизнь. Творчество. Судьба”, Материалы к путеводителю” с блестящим предисловием Валентина Курбатова, с краткой, но точной летописью жизни и творчества драматурга, с библиографией, со статьями хорошими и разными, но предельно насыщенными важными деталями и любопытными мыслями, наконец, с фотомонтажом, составленным разумно и трепетно).

Кстати, о любви.

Мои оппоненты более всего уверены в том, что та любовь, которую они переживают к нашему отечеству, не в пример моей, истинна и безгранична.

Как ни грустно признать, во многом они правы: я и правда не умею, подобно Владимиру Скифу, “придвинуть” к

себе нашу бедную Родину (“Я Родину к себе придвину”, — заявил он в первой строке одного из своих сочинений), и впрямь не способен думать о ней настолько часто, насколько желалось бы Василию Козлову (“О Родине думай чаще” — потребовал он в одном из программных своих стихотворений) — с некоторых пор уже и стакан к себе не “придвигаю”, с давних пор — сколько умею, между думами о хлебе насущном, заботами о близких, думаю и о Родине, причем, насколько считаю возможным, говорю об этом...

Боже меня упаси сводить счеты с теми, кто называет близких мне литераторов “шоуменами русофобии” (та же Тендитник), а меня — “пособником стран Запада и Европы”: просто я хочу публично выплакаться по поводу того “нового положения”, в котором оказался.

А оказался я в Доме им. Марка Сергеева (мы полагали необходимым увековечить имя нашего товарища, поэта и сказочника, мудреца и добряка) — в его трех небольших комнатках, куда сходятся самые разные люди, художники и поэты, историки и музыканты, журналисты и философы, где выставляются лучшие из наших художников, звучат голоса лучших из наших вокалистов, складывается газета “Зеленая лампа”, обсуждаются рукописи и отмечаются дни рождения вышедших книг.

Еще — помнят обо всех ушедших в мир иной: в этом году мы, благодаря помощи мэра Якубовского, открыли мемориальные доски на домах, в которых жили и работали наши товарищи Анатолий Шастин и Юрий Самсонов. Им исполнилось бы по семьдесят, и потому случились книги: одна, рассказывающая о непростой жизни провинциального прозаика, освещенной любовью к своей музе, жене, всемирно известной фольклористке Елене Ивановне Шастиной, а другая сплошь из сказок и фантастических повестей.

В прошлом году мы начали серию поэтических книг “Барка поэтов” — тем самым перекинули мостик от тех стихотворцев, что в начале двадцатого собирались на барке, стоящей на ангарском приколе, к тем, чьи судьбы почти не сложились в наши дни. Уже вышли книги Виталия Науменко и Сергея Эпова, Алексея Шманова и Андрея Богданова. Уже читаются те книжки, которые представили первых “барочников” Славнина и Хабиас, Пруссак и Титова, и еще книжка, благодаря которой явился из забвения никогда не выходивший отдельным изданием лучший из первых “барочников” племянник Дмитрия Шостаковича Андрей Шостакович.

В этом году вместе с журналистом и предпринимателем Геннадием Сапроновым мы выпустили том военной прозы, куда вошли повести Виктора Астафьева и Евгения Носова, Вячеслава Кондратьева и Константина Воробьева, Василя Быкова и Дмитрия Сергеева.

Дмитрий Сергеев успел поддержать этот том в руках, как и вышедший отдельной книгой свой роман “Последний расклад” — он, фронтовик, автор “Нового мира” времен Твардовского, человек крайне непубличный и завидно свободный (единственный из всей нашей братии вступившийся за диссидента Бориса Черныха), не умел делить мир на черное и белое, на своих и чужих, ушел, не удостоившись последнего поклона бывшего единомышленника Распутина, который давным-давно — пусть и “со вздохом” — переставил себя “в новое положение”.

Если по правде, мне нравится то положение, при котором у провинциального литератора, как у всякого человека, два глаза.

Это гарантия чистого взгляда.

Если по правде, мне нравится, когда у литератора, как у всякого человека, два уха.

Это гарантия чистого звука.

Чистый взгляд и чистый звук разом, даже при отсутствии третьего глаза, гарантируют правду — сначала слову и делу, потом — диалогу.

Для диалога многое уже есть: Пушкин, боль за порушенную деревню, тревога за уходящий город, элементарное счастье писать.

Анатолий Кобенков,
иркутский поэт

Автор: Артур Скальский © Русский журнал КУЛЬТУРА, ИРКУТСК 👁 7116 19.03.2003, 18:33 📌 237

URL: <https://babr24.com/?ADE=6495> Bytes: 36073 / 35922 Версия для печати

👍 Порекommendовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [Джем](#)
- [ВКонтакте](#)
- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:

irkbabr24@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

Прислать свою новость

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

Подробнее о размещении

Отказ от ответственности

Правила перепечаток

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)